

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Нитка жемчуга

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«В одной из самых живописных местностей Галиции, стояли тёмно-красные стены Белокамского замка, но обвалившиеся башни и груды кирпичей в разных местах предвещали скорое обращение этого замка в совершенные развалины. В одном из нижних этажей оставленного всеми замка было небольшое окно с железной решёткой и с вывалившеюся рамою. Из этого окна веяло могильною сыростью, а в той обширной, со сводами, комнате, которую оно так слабо освещало, совершилось некогда страшное, кровавое мщение...»

Евгений Петрович Карнович

Нитка жемчуга

Ещё в начале нынешнего столетия, в одной из самых живописных местностей Галиции, стояли тёмно-красные стены Белокамского замка, но обвалившиеся башни и груды кирпичей в разных местах предвещали скорое обращение этого замка в совершенные развалины. Заглохший сад, из густых вековых лип и высоких каштанов, окружал замок на большом пространстве. В этом саду виднелись ещё следы цветочных клумб, расположенных в виде гербов и именных шифр прежних обладателей опустелого замка. В ту пору казалось, что сада не расчищали, а строения не поправляли со времени первого их владельца.

В одном из нижних этажей оставленного всеми замка было небольшое окно с железной решёткой и с вывалившеюся рамою. Из этого окна веяло могильною сыростью, а в той обширной, со сводами, комнате, которую оно так слабо освещало, совершилось некогда страшное, кровавое мщение.

Лет за сто назад до настоящего времени Белокамский замок принадлежал князьям Радзивиллам. В нём жила в ту пору жена Кароля

Радзивилла, известного во всей Литве и Польше под именем "Ranie kochanku". Молодая и красивая собой княгиня была отрасль одного знатного, гетманского рода: и отец и дед её были великими гетманами.

Вышедшая неохотно замуж за Радзивилла, княгиня ветрено проводила свою жизнь; она без устали веселилась в Варшаве при дворе Понятовского, в то время когда муж её, отъявленный противник офранцуженного короля, разъезжал по любимой им Литве, готовя там недругов Станиславу-Августу. Ещё более закружилась лёгкая головка княгини, когда "Ranie kochanku", преследуемый королём, должен был уехать за границу и скитаться там, как изгнанник. Княгиня нисколько не горевала о своём муже; была в самых дружеских отношениях с главным врагом его – с королём, и, как говорила молва, передавала даже обворожительному для женщин Понятовскому все письма, получаемые ею от князя, в которых добродушный "Ranie kochanku" сообщал жене все свои замыслы, не подозревая её измены.

Наконец изгнание князя прекратилось и

он вернулся в родную Литву. Князь поселился в любимом им Несвиже, а княгиня между тем жила в Белокамском замке и ездила веселиться в Варшаву. Вскоре дошли до Радзивилла положительные слухи о том, как проводила время его жена, и он отправил к ней одного из служивших при нём шляхтичей.

Лежащие теперь в развалинах стены Белокамского замка были в ту пору немymi свидетелями волокитств и исканий около молодой и хорошенькой женщины, жившей в разладе с своим мужем. Они были также свидетелями и её ветрености, и её шалостей, и её непостоянства. В ту пору легко было подслушать в замке и звонкие поцелуи, и страстный шёпот, и сдержанные вздохи и весёлый смех беззаботной грешницы. Можно было подсмотреть в ту пору в Белокамском замке и смущение волокит, оставшихся ни при чём, и торжество счастливых, успевших овладеть сердцем красавицы. Толпа отборной варшавской молодёжи постоянно то вздыхала, то смеялась около обворожительной ветреницы. Нередко в замке бывали роскошные пиршества, при громких звуках княжеской музыки.

На эти пиршества съезжалось к княгине столько гостей, что они занимали не только обширный замок, делавшийся тесным при таких наездах соседей, но и с трудом размещались во всех окрестных избах и лачужках.

В конце одного из таких пиров попал неожиданно в Белокамский замок шляхтич Чешейко, посланный князем к княгине. Все дороги, шедшие от замка, были запружены в это время гостями, разъезжавшимися от княгини. Между роскошными колымагами и простыми бричками с трудом пробрался Чешейко до ворот княжеского замка. Здесь встретил его старый слуга радзивилловского дома и откровенно рассказал приезжему шляхтичу о грешном житье своей пани. Посланный князя крепко призадумался при этом рассказе.

Надобно заметить, что не только поручение Радзивилла, но и сердце молодого шляхтича заставило его побывать в Белокамском замке. Здесь при княгине жила хорошенькая шляхтяночка панна Саломея, на которой хотел жениться Чешейко и только нужда мешала ему достигнуть желанного счастья.

Панна Саломея сидела за пядьцами в то

время, когда в её чистую горенку неожиданно подкрался Чешейко. Он тихо кашлянул позади её, она оглянулась, вскочила, вскрикнула и вспыхнула вся, как вспыхивает розовою зарёю вечернее небо. Саломея бросилась на шею жениху, начались расспросы и ответы. Влюблённые не успели ещё наговориться, когда к ним в комнату вбежал запыхавшийся слуга.

– Панна Саломея, – кричал он, – у тебя есть гость, которого княгиня сейчас же хочет видеть.

– Верно меня зовёт княгиня, – отозвался Чешейко, и крепко поцеловав невесту пошёл следом за слугою. Шляхтич проходил теперь через длинный ряд обширных покоев; толпа прислуги, суетившаяся ещё за уборкою множества столов, показывала, что княгиня жила без мужа среди весёлого и многолюдного общества.

Приосанившись и поправив свои усы, молодой и статный шляхтич вошёл смелым шагом в богато убранную опочивальню княгини. Здесь княгиня, в лёгком полувоздушном платье, лежала на софе, как будто отдыхая по-

сле сильной усталости. Приветливо она поздоровалась с вошедшим шляхтичем и протянула к нему, для поцелуя, свою белую ручку. Желая задобрить мужниного посланца, княгиня теперь сама, по своей воле, награждала бедного шляхтича такой лаской, которой так усиленно добивалась у красавицы сама блестящая молодёжь Варшавы. При множестве безотходных волокит около княгини, считалось особенным счастьем даже и то, если удавалось иному насладиться поцелуем её ручки. Но эта хорошенькая ручка не прельстила молодого шляхтича; он стоял молча перед княгиней, покручивая одной рукой свой ус, и поддерживая другой свою саблю. Казалось, что шляхтич вовсе не замечал приветливой ласки, оказанной ему знатною пани.

– Садись здесь, подле меня, – нежным голосом сказала княгиня равнодушному гостю, показывая ему рукою на позолоченное кресло.

Шляхтич сделал несколько шагов вперёд, пристально смотря на княгиню. Её пышная красота, в полном разгаре цветущей молодости, взяла верх над суровостью шляхтича, он

не утерпел, и низко поклонившись княгине, схватил её ручку и невольно, но крепко поцеловал её.

– Ты приехал сюда прямо от моего мужа? – спросила княгиня, насупив немножко свои тоненькие брови над глазками, покрытыми блестящей паволокой.

– Прямо от князя, яснееосвещённая пани, – отвечал отрывисто шляхтич, желая со всей неумолимой строгостью исполнить данное ему поручение, а между тем бессознательно растерявшийся под обаятельным взглядом красавицы.

– А что, есть от князя письмо?

– Письма от князя нет никакого, он дал мне только одну записочку, да словесные поручения к вашей княжеской чести.

– Это значит, что он сделал тебя своим уполномоченным... – перебила с презрительной насмешкой княгиня. – Нечего сказать, хорошо поступает со мною мой достойный супруг!.. Он бросил меня на произвол судьбы, а сам, как говорится, гоняет ветер в поле или веселится напропалую и без толку проматывает своё состояние, а между тем ещё сердит-

ся на меня за то, что я просила короля назначить над ним опеку!..

При этих словах кровь прилила к лицу честного шляхтича. Он удержал однако порыв своего гнева. Сперва он закусил губы, а потом, спокойным и ровным голосом, принялся отвечать княгине против её нападок на князя.

– Сколько я мог заметить, – возразил шляхтич, – супруг вашей княжеской милости находится в полном рассудке, и поэтому никакой опеки учреждать над ним нет надобности... Он честно служит родине своей кровью и, как я знаю, готов служить ей и последним грошем, который у него останется после забора его имений по королевскому повелению... Сам же князь вовсе не веселится: ему теперь не до того, но он только угощает своих приятелей и гостей, в благодарность за их доброе расположение...

– Хорош мой защитник и покровитель!.. – запальчиво перебила княгиня, – он даже никогда не бывает у себя в доме!

– Бывает ли он у себя в доме или нет, это всё равно для вашей княжеской милости, – су-

рово заметил шляхтич. – Знайте, ясная пани, только одно, что где бы князь ни был, он всегда и везде дорожит честью своей супруги, и я приехал сюда за тем, чтобы забрать с собою того, кто, живя в здешнем замке, вредит доброй молве о вашей княжеской милости...

Побледневшая от злобы княгиня вздрогнула и бросила грозный, заискрившийся взгляд на смелого шляхтича.

– Может быть ты и мне лично привёз какое-нибудь приказание?.. – прерывающимся от гнева голосом спросила княгиня; и в это время её высокая грудь то поднималась, то опускалась, под лёгкой, полупрозрачной тканью.

Чешейко молчал, смотря не без волнения на раздражённую красавицу.

– Что же! говори! – настойчиво сказала княгиня.

– Если вашей княжеской милости угодно было самим заговорить об этом, то я должен передать вам желание князя, чтобы его супруга, для прекращения недоброй о ней молвы, немедленно пошла на житьё в монастырь, как это обыкновенно делают все наши

знатные пани, когда мужья их отправляются в далёкий поход...

– Ты забываешь с кем говоришь!.. – с гневом вскрикнула княгиня. – Я дочь и внука гетманов, я сама сумею сберечь свою честь!..

И княгиня, в припадке запальчивости, схватилась за хрустальный графин.

Чешейко слышал уже не раз о том, до какой степени забывалась своенравная княгиня в порывах сильного раздражения. Шляхтич смекнув, что самая крошечная, самая беленькая ручка может в сердитую минуту хорошо хватить графином по лбу, уклонился немного в сторону, а княгиня между тем, опомнившись от излишней вспышки, начала наливать из графина в стакан воду и выпила её до последней капли, желая показать, что она во все не думала вооружаться графином.

– Разве со мной можно распорядиться так, как распорядятся с простой служанкой?.. – надменно спросила она у шляхтича, уставив на него свои большие, огненные глаза.

– Я не имею никакого права рассуждать об этом, – кротко заметил шляхтич, кланяясь почтительно княгине, – моё дело – исполнить

только приказание князя.

– Наперёд однако тебе следовало подумать, удастся ли ещё исполнить такое приказание... – перебила княгиня.

– Я думаю, что удастся, – спокойным голосом возразил шляхтич, брякнув саблей.

– Так ты в самом деле думаешь, что тебе удастся исполнить то, зачем ты сюда прислан? – с гордостью и с изумлением спросила княгиня, и её громкий, судорожный смех раздался на всю комнату. – Нет этого никогда не будет!.. – добавила она, топнув о ковёр своей маленькой ножкой и погрозив шляхтичу беленьким пальчиком.

Шляхтич не возражал ничего; он только самоуверенно поглядывал на княгиню.

– Поверь, что ни ты, ни князь ничего мне не могут сделать: у меня найдутся заступники, – проговорила княгиня после некоторого молчания.

Затем она прошлась несколько раз по комнате, в сильном волнении; потом остановилась перед уборным столиком и взяла с него небольшой ящичек, обтянутый пунцовым бархатом. Княгиня открыла ящик и под её то-

ненькими пальцами заблестели, заискрились и радужно заиграли крупные брильянты. С этим ящичком в одной руке подошла княгиня к Чешейко, а другую руку положила она ему на плечо.

– Ты должен знать, мой милый, – сказала она ему своим серебристым и вкрадчивым голосом, – ты должен давно знать, что силой со мной ничего не сделаешь и что со мной можно сладить только уступчивостью. Рассуди сам хорошенько – к чему может повести нас домашняя ссора?.. Если я уйду в монастырь, то разве будет честь князю за то, что он одолел слабую, беззащитную женщину? Сообрази сам и то, какая будет при этом польза и тебе самому?.. Чем может наградить тебя князь, если в скором времени он сам, как изгнанник, лишится всего и останется без куска хлеба?.. Ведь ты знаешь, что у него уже отняты все его литовские имения за восстание против короля...

– Всё это я очень хорошо знаю, ваша княжеская милость, – твёрдым голосом отвечал шляхтич, – но не смотря на это я всё-таки до конца хочу остаться верным своему доброму

пану.

– Это очень похвально, – с живостью и досадой перебила княгиня, – но вспомни, однако, что панна Саломея, которую ты так любишь, никогда не пойдёт замуж за такого бедняка, каков ты... Что у тебя есть?..

– Я и сам не захочу заставить её делить мою нужду, и до тех пор я не женюсь на ней, пока кое-как не устроюсь.

– Вот видишь!.. – с радостью подхватила княгиня, и с этими словами она вынула из ящичка нить чудного жемчуга ослепительной белизны и распустила эту нить перед глазами шляхтича. – Ты знаешь этот жемчуг? – спросила она Чешейко.

– Знаю; это наследственная драгоценность княжеского рода Радзивиллов, и она не должна никогда и ни в каком случае выйти из него... Впрочем, – добавил шляхтич, вынимая из шапки лоскуток сложенной бумаги, – вместе с поручениями, уже переданными вашей княжеской чести, я имею ещё приказание князя – взять от вас этот жемчуг; – и с этим словом он подал княгине доверенность князя на получение наследственного сокровища.

Княгиня взяла записку мужа, а между тем шляхтич протянул руку к жемчугу и выхватил нить из рук княгини. Княгиня крикнула в ужасе, увидя, что она лишилась самой главной драгоценности. Шляхтич не обратил никакого внимания на крик княгини и спокойно положил за пазуху драгоценную вещь, с тем, чтоб немедленно отвезти её к князю. Княгиня с изумлением смотрела на Чешейко, который, почтительно поклонясь ясновельможной хозяйке, вышел из её опочивальни, попросив княгиню уведомить князя о том, что она уже передала жемчуг его посланному.

Заискрились глаза молодой женщины и задрожали её розовые ноздри по выходе Чешейки.

– Теперь ты пропал, безумец!.. – проговорила она с какой-то дикой радостью, разорвав в мелкие кусочки записку князя о выдаче жемчуга его поверенному. – Ты узнаешь что значит оскорблять женщину и отнимать у неё того, кого она любит!..

Княгиня кликнула Саломею и приказала ей позвать, как можно скорее, пана Кулешу.

Через несколько минут, в спальню княги-

ни вошёл впопыхах чрезвычайно красивый и статный мужчина, который, как гласила молва, пользовался особенным и притом постоянным расположением молодой княгини. Она изменяла всем своим любимцам, кроме одного пана Кулеши.

Спустя немного времени после этого выехал из Белокамского замка Чешейко, радуясь тому, что он успел по крайней мере исполнить хоть одно поручение своего пана, имея дело с такой неуступчивой и вспыльчивой пани, какова была княгиня. Чешейко надеялся получить от князя новые наставления и в скором времени опять побывать в замке и исполнить приказание на счёт выпроводов оттуда Кулеши.

Прощаясь с своим женихом, пани Саломея дала ему поцеловать одну ручку, а другою благословила его, желая отвратить от него своим благословением всякую беду и напасть. Теперь Чешейко ехал, опустив поводья, и думал о своей хорошенькой невесте.

Долго после отъезда Чешейки толковали между собою, при запертых на задвижку дверях, княгиня и её любимец. Когда же окончи-

лась эта задушевная беседа, то доверенный княгини опрометью побежал вниз.

– Только, ради Бога, будь осторожнее, – кричала ему вслед умоляющим голосом княгиня. – Он, как видно, человек отчаянный!.. Будет защищаться упорно...

Выбежав во двор, Кулеша созвал всех слуг и торопливо начал отдавать приказания. Во всём замке поднялась ужасная тревога: шумели, суетились, кричали, седлали лошадей и заряжали ружья. Казалось, что в замке ожидали нападения сильного неприятеля. Когда же всё было готово, то пан Кулеша, с обнажённою саблею, сел на коня.

– Гей, хлопцы!.. За мной!.. – крикнул он громко и с этими словами пустился по дороге, по которой ехал Чешейко; а следом за Кулешой помчались казаки.

Говор и шум продолжался однако в замке и после этого. Среди общего переполоха все громко говорили о том, что приезжавший от князя шляхтич украл у княгини нить жемчуга, которая имела невероятную цену.

Скоро пан Кулеша с своими казаками нагнал Чешейко. Обороняться было некогда, да

при том поверенный князя не чувствовал за собою никакой вины. Спустя несколько часов везли Чешейко в Белокамский замок связанного по рукам и ногам. Шляхтич лежал теперь в бричке, а подле неё, с молодецкой осанкой, ехал Кулеша, держа в руке драгоценную нитку жемчуга, которая, в присутствии казаков, как свидетелей, была найдена за пазухой у Чешейки.

– Я не хочу мстить ему сама, – сказала с презрительным равнодушием княгиня, принимая жемчуг из рук Кулеша, – но я не желаю однако оставить без наказания его низкий поступок: пускай суд определит ему наказание...

По приказанию княгини было сделано в трибунал надлежащее повещение о поступке Чешейки, а между тем бедный, ни в чём невиноватый шляхтич был посажен в подвал Белокамского замка.

Ужаснулась панна Саломея, когда узнала, что жених её обвинён в краже; бедная девушка не выдержала этого удара и впала в страшную горячку. Скоро начался над Чешейкой суд. Законы польские не давали потачки во-

рам и мошенникам, а между тем никакие оправдания Чешейки не принимались в уважение, потому что улики в краже были очевидны и бедняга был приговорён к отсечению головы. Узнав об этом приговоре, княгиня распорядилась, чтоб её служанки сшили для приговорённого к казни смертельную рубашку. Заливаясь слезами и громко рыдая исполнили они приказание своей жестокосердой госпожи. Как помешанная смотрела на всё это панна Саломея, не сознавая ясно того что вокруг неё делалось.

Когда окончательно состоялся смертный приговор, то нужно было привести его в исполнение; во всём околотке нельзя было найти палача. Как ни был предан княгине её любимый наперсник, пан Кулеша, но он как шляхтич не мог взяться за ремесло палача. Пошли искать охотника по окрестным деревням, но ни один крестьянин не хотел сделаться палачом, хотя тому, кто вызвался бы отрубить голову Чешейко, предлагалось за это увольнение от барщины на всю жизнь. Наконец, не в близком от замка местечке, выискался один какой-то мясник, который, под

пьяную руку, и отхватил в тёмном подвале голову несчастному шляхтичу...

После гибели жениха, панна Саломея ушла в какой-то далёкий монастырь и вскоре замолк на веки в Белокамском замке слух о бедной девушке...

Польское правительство, до которого дошла весть о кровавой расправе с Чешейко, приказало по просьбе его родственников как можно строже исследовать это тёмное дело. Княгине и её любимцу начинала теперь грозить нешуточная опасность, но обстоятельства изменились в их пользу, потому что в это время австрийские войска заняли Галицию и здесь начался новый порядок...

Княгиня поспешила в Вену и там стала посещать беспрестанно дворцовую капеллу. Богомольную императрицу поразила необыкновенная набожность молодой женщины. Вскоре пришло из Вены приказание – прекратить все розыски о смерти Чешейки, а спустя несколько времени, на плече преступницы-богомолки заблистали брильянтовые знаки ордена Марии Терезии.

Судьба однако покарала княгиню. Развед-

шись с князем, она вышла потом замуж за какого-то бездомного француза, и в глубокой старости эта представительница знаменитого гетманского рода, отвергнутая всеми, скиталась около Белокамского замка, питаясь скудным подаванием.